

Научная статья

УДК 34.03

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).247-254

EDN ZODPMV

Правовые преимущества субъектов со специальным правовым статусом как проявление силы права и права силы

Артем Григорьевич Репьев*Российский университет транспорта, г. Москва, Россия**repev-artem@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0718-698X>***АННОТАЦИЯ**

В условиях современного правового государства, балансирующего между фундаментальными началами «право» и «сила», особую актуальность приобретает проблема соотношения специального правового статуса, предоставляемых правовых преимуществ и конституционного принципа формального равенства. Исследование направлено на критическое осмысление обоснованности дифференциации правового положения отдельных категорий субъектов (как носителей публичной власти, так и социально уязвимых слоев населения). Констатируется существенный риск трансформации инструментов обеспечения профессиональной независимости – в механизмы «легитимированной силы», позволяющие избегать юридической ответственности и подрывать общественное доверие к правопорядку. Применен комплексный междисциплинарный методологический подход, органично сочетающий сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-юридический и социологический методы. Теоретический анализ строится на диалектике категорий «силы права» и «права силы». Результаты исследования подтверждают объективную необходимость специального правового статуса для защиты уязвимых групп и обеспечения независимости должностных лиц в Российской Федерации. Однако правоприменительная практика выявляет системные случаи искажения изначальных целей, когда статус становится инструментом правового эскапизма для судей и прокуроров. Установлено, что без эффективных механизмов контроля преимущества ведут к недопустимой юридической асимметрии и коррупционным рискам. На основе проведенного анализа сформулирована авторская концепция «ответственной легитимности». Сделан принципиальный вывод, что правовые преимущества не должны восприниматься как абсолютные привилегии, а являются производными от бремени повышенной ответственности. Предлагается внедрение модели, где любое преимущество сопряжено с формально-определенной процедурой подотчетности, четким разграничением иммунитета от вмешательства и ответственности, участием независимых органов и «общественным аудитом». Реализация данного подхода позволит соблюсти баланс между функциональной необходимостью и конституционным равенством, укрепляя устойчивость правовой системы и доверие граждан к институтам власти в долгосрочной перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

правовые преимущества, специальный правовой статус, сила права, право силы, доверие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Репьев А.Г. Правовые преимущества субъектов со специальным правовым статусом как проявление силы права и права силы / А.Г. Репьев. – 10.17150/1819-0928.2026.27(2).247-254. – EDN ZODPMV // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 247–254.

Original article

Legal advantages of subjects with special legal status as a manifestation of the power of law and the right of force

Artem G. Repyev*Russian University of Transport, Moscow, Russia**repev-artem@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0718-698X>***ABSTRACT**

In the conditions of a modern rule-of-law state balancing between the fundamental principles of “law” and “force”, the problem of the correlation of special legal status, legal advantages provided and the constitutional principle of formal equality becomes particularly relevant. The research is aimed at critically understanding the validity of the differentiation of the legal status of certain categories of subjects (both holders of public authority and socially vulnerable segments of the population). There is a significant risk of transformation of tools for

© Репьев А.Г., 2026

ensuring professional independence into mechanisms of “legitimized force” that allow avoiding legal responsibility and undermining public confidence in the rule of law. A comprehensive interdisciplinary methodological approach has been applied, organically combining comparative-legal, system-structural, formal-legal and sociological methods. The theoretical analysis is based on the dialectic of the categories “power of law” and “right of force”. The results of the study state the objective need for a special legal status to protect vulnerable groups and ensure the independence of officials in the Russian Federation. However, law enforcement practice reveals systemic cases of distortion of the original goals, when status becomes an instrument of legal escapism for judges and prosecutors. It has been established that without effective control mechanisms, advantages lead to unacceptable legal asymmetry and corruption risks. Based on the analysis, the author’s concept of “responsible legitimacy” is formulated. The fundamental conclusion is made that legal advantages should not be perceived as absolute privileges, but are derived from the burden of increased responsibility. It is proposed to introduce a model where any advantage is associated with a formally defined accountability procedure, a clear distinction between immunity from interference and responsibility, the participation of independent bodies and a “public audit”. The implementation of this approach will ensure a balance between functional necessity and constitutional equality, strengthening the stability of the legal system and citizens’ trust in government institutions in the long term.

KEYWORDS

legal advantages, special legal status, power of law, right of force, trust

FOR CITATION

Repyev A.G. Legal advantages of subjects with special legal status as a manifestation of the power of law and the right of force. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):247–254. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).247-254. EDN: ZODPMV.

Введение

Современное правовое государство балансирует между двумя фундаментальными началами – правом и силой. Если сила выступает как потенциал принуждения, то право служит механизмом ее легитимации, ограничения и упорядочения. В этом контексте особое значение приобретает конструкция специального правового статуса. Для определенных субъектов концепция «право силы» объяснима с той точки зрения, что их деятельность непосредственно связана с реализацией государственной власти в целом и потенциала принуждения в частности – депутатского корпуса, судей, работников правоохранительных органов (прокуроров, следователей, сотрудников органов внутренних дел и др.). Для других субъектов со специальным правовым статусом более актуальна концепция «сила права», поскольку за счет таких элементов специального правового статуса, как правовые преимущества (в форме компенсаций, субсидий, дотаций и пр.) их социальное положение становится более устойчивым, стабильным, защищенным.

Правовые преимущества, предоставляемые публичным должностным лицам (иммунитеты, привилегии, льготы, особые правовые процедуры и т.п.) традиционно трактуются как инструмент защиты от вмешательства в профессиональную деятельность [1, с. 32]. К примеру, судьи в России обладают одним из наиболее широких спектров правовых преимуществ. Согласно статье 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации»¹

¹ О статусе судей в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Российская газета. 1992. 29 июля.

они неприкосновенны, а для возбуждения уголовного дела в отношении судьи требуется согласие Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Аналогичные (хотя и менее объемные) гарантии предусмотрены для прокуроров², следователей Следственного комитета России³ и др.

Однако в юридической науке и обществе в целом⁴ все чаще возникает вопрос: не становятся ли такие преимущества формой «легитимированной силы», которая, будучи институционализированной, может выходить за пределы правовых рамок и подрывать принцип равенства перед законом? Актуальность данной проблемы подтверждается как доктринальными спорами, так и практикой российских и международных судов. Например, Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что специальный правовой статус не может служить основанием для безответственности: «парламентский иммунитет не допускает освобождения от ответственности за совершенное правонарушение, в том числе уголовное, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением собственно парламентской деятельности. Расширительное понимание неприкосновенности искажало бы

² О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : ст. 42 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

³ О Следственном комитете Российской Федерации : Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ : ст. 29, 37 и др. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

⁴ С судей спросили за матерей и тещ // Коммерсантъ [Официальный сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8419897> (дата обращения: 09.02.2026).

публично-правовой характер парламентского иммунитета»⁵.

Сказанное позволяет сформулировать цель настоящего исследования – подвергнуть осмыслению обоснованность предоставления правовых преимуществ как представителям судебных и правоохранительных органов в качестве формы легитимной силы, так и слабо защищенным слоям населения – в виде возможности их поддержки через концепцию «силы права», попытаться определить их соответствие принципам правового государства: верховенства права, формально-юридического равенства граждан и пр.

Методология и материалы

В качестве первичного источника используются нормативные правовые акты Российской Федерации (далее также – РФ), включая Конституцию РФ, федеральные конституционные законы и федеральные законы (в частности, «О статусе судей в Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и др.), а также интерпретационные акты высших судебных инстанций – Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Особое внимание уделено анализу решений квалификационных коллегий судей, поскольку они являются ключевым звеном механизма реализации иммунитета и одновременно фильтром для недопущения злоупотребления им.

В доктринальном плане использованы классические труды отечественных правоведов (И.А. Ильин, В.С. Нерсесянц, Л.М. Энтин,

И.Н. Сенякин) и современные публикации по проблемам равенства, специального правового статуса и легитимности государственной власти. Изучены также работы западных теоретиков права (Р. Дворкин, Дж. Ролз), чьи концепции справедливой дифференциации и «равенства как равного уважения» позволяют расширить аналитические рамки исследования.

Эмпирическая база включает статистические данные Следственного комитета РФ, отражающие масштабы коррупционных правонарушений среди лиц, наделенных специальным правовым статусом, что позволяет выявить практические последствия существующих правовых гарантий.

Ключевым методологическим инструментом выступает анализ через призму диалектики «права силы» и «силы права». В рамках этой парадигмы правовые преимущества рассматриваются не в изоляции, а в системном взаимодействии с механизмами ответственности, что позволяет избежать как упрощенного уравнивания, так и оправдания элитарной исключительности. Методологически важным является разграничение двух аспектов специального статуса: функционального (связанного с ролью в системе публичной власти) и социального (обусловленного уязвимостью положения). Это позволяет дифференцированно оценивать обоснованность предоставления правовых преимуществ в зависимости от целей и последствий такой дифференциации.

Результаты исследования и их обсуждение

Общие представления о специальном правовом статусе в правовой доктрине и его проявление в практике общественных отношений

Специальный правовой статус – это совокупность прав, обязанностей, ограничений, запретов, правовых преимуществ и юридической ответственности, устанавливаемых для отдельных субъектов в силу выполнения ими особой государственной роли либо ввиду особого социального положения (нуждающегося в выравнивании относительно других). В отечественной теории права конструкция специального правового статуса рассматривается в дуалистичной проекции: преимущественно – как институт публичного права, направленный на обеспечение эффективности, независимости, непредвзятости должностных лиц при выполнении ими функций публичной власти [2; 3], в меньшей степени – как институт частного права, пресле-

⁵ По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февр. 1996 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 828 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Васильева Дмитрия Львовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 7, частью шестой статьи 162 и статьей 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 371-О-П // СПС «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Слабуновой Эмили Эдгардовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 28.2, пунктом 4 части 1 статьи 29.4, частью 1 статьи 29.9, пунктом 2 статьи 31.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 4 статьи 18 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и статьей 19 Закона Республики Карелия «О статусе депутата Законодательного Собрания Республики Карелия»: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025 г. № 2087-О // СПС «КонсультантПлюс» ; и др.

дующий цели гармонизации гражданско-правовых отношений с участием социально-уязвимых категорий (несовершеннолетних, инвалидов, ветеранов и пр.) [4; 5].

Именно правовой статус, по верному выражению О.Ю. Рыбакова, «есть формально-юридическое основание взаимодействия субъекта с соответствующей структурой государственных органов, общественных объединений, различных союзов, обладающих организационно-правовой структурой и характеристиками» [6, с. 23]. Кроме того, изучение правового статуса должно осуществляться в неразрывном единстве с осмыслением деятельности субъекта [7, с. 30], его вклада в развитие гражданского общества и государства.

Следовательно, специальный правовой статус — это еще и выражение доверия со стороны государства — к тем, кто призван обеспечивать правопорядок, к тем, кто в силу объективных обстоятельств, обусловленных состоянием здоровья, возраста, не способен в полной мере реализовать свои права и законные интересы. Между тем доверие не может быть безусловным, оно должно проверяться через механизмы ответственности, быть рациональным [8; 9]. В этой связи возникает дилемма: как найти баланс между правовыми преимуществами, вызванными специальным правовым статусом и их объективностью, целесообразностью? Данный вопрос приобретает особую значимость ввиду, например, криминогенной ситуации в области коррупционных преступлений, совершаемых «сильными мира сего».

В 2017 году в производстве следователей Следственного комитета России (далее — СК России) находились уголовные дела коррупционной направленности, по которым «более 400 обвиняемых — это лица, в отношении которых применялся особый порядок уголовного судопроизводства: прокуроры, судьи, следователи, адвокаты и другие»⁶. В 2022 году в интервью Председателя СК России А. Бастрыкина были озвучены не менее внушительные цифры: «среди тех, кто привлечен к уголовной ответственности за коррупцию, в том числе 1,4 тысячи сотрудников правоохранительных органов, 679 военных, 420 должностных лиц органов местного

самоуправления»⁷. За период с 2019 года по настоящее время квалификационными коллегиями судей дано 104 согласия на возбуждение уголовных дел в отношении действующих и бывших судей, 21 согласие на привлечение бывших судей в качестве обвиняемого по уголовным делам⁸.

Верховный Суд РФ в своих правовых позициях неоднократно указывал, что иммунитет и другие гарантии специального правового статуса не могут служить препятствием для установления истины по делу, и «не носят абсолютного характера»⁹. Эти решения стали важным шагом к десакрализации специального правового статуса и его подчинению общим принципам правового государства.

Приведенные доктринальные позиции, эмпирические данные позволяют перейти от описания общей конструкции специального правового статуса к более глубокой теоретико-правовой проблеме — соотношению правовых преимуществ и принципа юридического равенства. Специальный правовой статус, будучи институционализированным выражением доверия государства к отдельным субъектам (будь то носители публичной власти или социально уязвимые категории граждан), неизбежно порождает юридическую асимметрию: одни лица получают расширенные полномочия, другие — повышенную защиту. Однако эта асимметрия, хотя и легитимирована законом, не должна подрывать фундаментальный конституционный принцип равенства всех перед законом и судом (статья 19 Конституции РФ).

Здесь вступает в силу диалектика категорий «право силы» и «сила права». Русский философ И.А. Ильин описывал концепцию «права силы» через парадигму дифференцированного отношения и соответствующего регулирования: «право» может быть не просто нормой, а формой властвующей дискурсивной практики, которая легитимизирует доминирование [10, с. 7].

Под «правом силы» понимается не столько прямое насилие, сколько способность отдельных субъектов, обладающих специальным правовым статусом, оказывать доминирующее влияние на правоприменительные процессы, пользуясь пре-

⁶ 400 прокуроров, судей и следователей проходят по делам о коррупции // Уполномоченный по правам человека в Липецкой области : офиц. сайт. URL: <https://ombudsman-lipetsk.ru/deyatelnost/novosti/400-prokurorov,-sudej-i-sledovatelej-proxodyat-po-delam-o-korrupczii> (дата обращения: 18.12.2025).

⁷ Интервью Председателя СК России информационному агентству «РИА Новости» // Следственный комитет России : офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1747524/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁸ В России за 6 лет более 100 судей привлекли к уголовной ответственности // ТАСС : офиц. сайт. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/16450225> (дата обращения: 18.12.2025).

⁹ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 16 апр. 2024 г. № ДК24-46 // СПС «КонсультантПлюс».

доставленными им правовыми преимуществами. В то же время «сила права» предполагает, что закон выступает как нейтральный, универсальный и обязательный для всех регулятор, подчиняющий даже самых «сильных» субъектов единым стандартам ответственности и контроля.

Практика показывает, что при отсутствии эффективных механизмов юридической ответственности и надзора специальный правовой статус может трансформироваться из инструмента обеспечения публичного интереса в средство правового эскапизма – ухода от ответственности под прикрытием профессиональной или статусной исключительности. Многочисленные случаи привлечения к уголовной ответственности судей, прокуроров, следователей и иных лиц, наделенных специальным правовым статусом, свидетельствуют не только о наличии системных рисков, но и о потенциальном противоречии между формальной легитимностью правовых преимуществ и их фактическим использованием в ущерб принципу равенства.

В этой связи возникает необходимость критически осмыслить: в какой мере предоставление правовых преимуществ оправдано субстантивной справедливостью и функциональной необходимостью? Как соотносятся эти преимущества с гарантиями равенства, обеспечиваемыми конституционно-правовым укладом? Не превращается ли специальный правовой статус в инструмент воспроизводства «права силы», когда исключительность положения становится «щитом» от общих правовых требований? Попробуем найти ответы, если не на все, то хотя бы на некоторые из поставленных вопросов.

*Формально-юридическое равноправие
и правовые преимущества как элемент
специального правового статуса*

Категорию равенства нередко рассматривают как системообразующую для права [11; 12]. Мы с такой подходом солидарны и, в свою очередь, предлагаем различать равенство как обще-социальную категорию и равноправие как юридическую. Последнее означает единый базовый правовой статус всех членов общества. Однако здесь возникает необходимость в уточнении отдельных моментов.

Современная правовая теория, опираясь, в том числе на работы таких иностранных авторов, как Р. Дворкин, Дж. Ролз [13; 14], а также отечественных исследователей – В.С. Нерсесянца, Л.М. Энтина, И.Н. Сенякина [15, с. 14; 16, с. 68; 17, с. 17], утверждает, что равенство не означает

уравнивания, а предполагает дифференциацию, учитывающую индивидуальные особенности субъектов. Базовый конституционный статус действительно гарантирует всем гражданам равные основные права и обязанности, но в конкретных правоотношениях возникают специальные правовые статусы – государственного служащего, военнослужащего, судьи и др., которые сопряжены как с правовыми преимуществами, так и с ограничениями, запретами, повышенной ответственностью.

Таким образом, равенство – это не идентичность, а справедливая дифференциация, основанная на принципе соразмерности. Природа сама по себе не допускает абсолютного равенства: различия в интеллектуальных, физических, моральных качествах людей неизбежны и должны учитываться правом. Игнорирование этого ведет либо к формальному равенству без содержания, либо к несправедливому уравниванию. В этом ракурсе система правовых преимуществ может восприниматься не как противоречие равноправию, а как отступление от равенства. Такие нормы (содержащие положения о льготах, привилегиях и т.п.), по сути, являются точками пересечения формального права и ценностных установок общества, и их изучение открывает несколько важных ракурсов.

Во-первых, правовые преимущества выступают стимулом к реализации прав и свобод. Нормы, усиливающие правовой статус субъекта, не только расширяют его юридические возможности, но и побуждают к активной правовой позиции. Они формируют мотивацию – интерес, желание, волю – к реализации прав и выполнению обязанностей, что соответствует гуманистической парадигме права как средства раскрытия человеческого потенциала [13; 18]. В этом смысле преимущество становится не просто юридическим инструментом, а социально-психологическим катализатором, способствующим вовлечению граждан в правовое поле.

Во-вторых, правовые преимущества – это инструмент приоритизации в условиях ограниченных ресурсов. В ситуации экономической нестабильности, геополитической напряженности и внутренней стагнации государство вынуждено делать выбор в пользу определенных социальных групп или секторов экономики. Такое обособление и выделение, хотя формально и «обходит» принцип формально-юридического равенства, но оправдано с позиций принципов соразмерности, разумности и целесообразности. Например, предоставление налоговых льгот агропромыш-

ленному сектору в условиях импортозамещения¹⁰ или упрощение процедур для IT-компаний в рамках цифровой трансформации¹¹, — это не экономическая политика лоббирования узкого круга участников отношений, а выражение новых ценностных приоритетов: национальной безопасности, технологического суверенитета, продовольственной независимости.

В-третьих, правовые преимущества есть проекция иерархии ценностей государства и общества. Наделяя многодетные семьи жилищными субсидиями, устанавливая особый режим труда для беременных женщин или инвалидов, государство декларирует приоритет социальной солидарности, заботы о слабых, традиционных семейных отношений. Аналогично, предоставление военнослужащим, участникам специальной военной операции первоочередного права на жилье или санаторно-курортное лечение¹² — это не только социальная поддержка, а политический посыл, подчеркивающий значимость оборонного потенциала как сегмента государственного строительства и патриотизма как традиционной духовной скрепы общества.

Таким образом, правовые преимущества одновременно укрепляют устоявшиеся ценности и инициируют ротацию ценностных ориентиров в ответ на вызовы времени. Понимание государственной заботы о человеке, существовавшее несколькими десятилетиями ранее, — коренным образом отличается от современного. Эти различия проявляются, в частности, в смене акцентов: от коллективистской модели к индивидуализированной, от идеологической заботы — к прагматической поддержке, основанной на эффективности и устойчивости.

¹⁰ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ : гл. 26.1 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

¹¹ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса РФ в части создания благоприятных условий налогообложения для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, а также внесения других изменений, направленных на повышение эффективности налоговой системы : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3443.

¹² Участники СВО и члены их семей, кроме отмеченного, к примеру, освобождаются от уплаты госпошлины при подаче в суд заявлений об установлении фактов, имеющих юридическое значение, а также о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим (см.: О внесении изменений в статью 333.36 части второй Налогового кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 23 июля 2025 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2025. 30 июля); участники СВО имеют все льготы ветеранов боевых действий (см.: О ветеранах : Федер. закон от 12 янв. 1995 г. № 5-ФЗ // Российская газета. 1995. 25 янв.); и др.

Заключение

Правовые преимущества судей и субъектов правоохранительной деятельности в современном российском праве действительно выполняют функцию легитимированной силы, необходимой для обеспечения независимости и эффективности правоприменения. Однако их применение нередко выходит за рамки разумной необходимости и соразмерности.

Специальный правовой статус не может быть абсолютным. Он должен быть вписан в общую систему правовых ценностей, включая подотчетность, прозрачность и равенство перед законом. Специальный правовой статус личности и правовые преимущества — не привилегия, а бремя ответственности.

Судебная практика, как российская, так и международная, демонстрирует устойчивую тенденцию к ограничению специальных, исключительных режимов, если они ведут к нарушению прав граждан. Это свидетельствует о переходе от «статусного» к «функциональному» подходу: гарантии предоставляются не личности, а роли, которую она исполняет.

В этой связи автором предлагается модель «ответственной легитимности», которая позволяет сохранить необходимые гарантии, одновременно встраивая их в систему демократического контроля. Речь идет о замене доминирующей в доктрине концепции «гарантии ради независимости» на концепцию «ответственной легитимности» — модели, в которой любое правовое преимущество обусловлено обязательной процедурой подотчетности.

Эта модель предполагает:

— четкое разграничение правового иммунитета от вмешательства и правового иммунитета от ответственности (первое допустимо, второе — нет);

— обязательное участие независимых органов (включая гражданских наблюдателей, профсоюзы, общественные советы и пр.) в процедурах согласования привлечения к ответственности;

— введение обязательного обоснования решений квалификационных коллегий при отказе в согласовании возбуждения дел;

— периодический независимый «аудит» применения гарантий¹³.

Подобный подход будет соответствовать требованиям статьи 19 Конституции РФ и статьи 14 Европейской конвенции по правам человека

¹³ «У людей есть явный запрос на справедливость» — Игорь Краснов о развитии судебной системы России // Коммерсантъ : офиц. сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8361511> (дата обращения: 09.02.2026).

(обязанность государства обеспечивать права без дискриминации) (несмотря на тот факт, что Российская Федерация перестала с 16 сентября 2022 года являться Высокой Договаривающейся Стороной Конвенции, правовая система нашего государства полностью соответствует общепризнанным принципам и нормам международного

права)¹⁴. Автор убежден, что только такой подход сможет обеспечивать устойчивость правового государства и доверие общества к институтам правосудия и правопорядка.

¹⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. : ст. 14 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве : монография / А.Г. Репьев. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 392 с. — EDN YPCANJ.
2. Архипкин И.В. Правовые принципы как основа правового статуса специального субъекта (на примере статуса судьи) / И.В. Архипкин. — DOI 10.18572/1812-3791-2024-5-34-39. — EDN DHABLK // Российский судья. — 2024. — № 5. — С. 34–39.
3. Репьев А.Г. Правовой статус личности сотрудника органов внутренних дел в специальных правовых режимах: теория и юридическая техника / А.Г. Репьев, О.В. Стрелкова. — DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-28-35. — EDN PHGNVU // Труды Академии управления МВД России. — 2024. — № 1(69). — С. 28–35.
4. Летова Н.В. Специальная правоспособность и правовой статус ребенка / Н.В. Летова. — EDN PFOZIH // Государство и право. — 2012. — № 9. — С. 72–78.
5. Летягина Е.А. Проблемы правового регулирования прав детей, имеющих специальный правовой статус / Е.А. Летягина. — EDN QXSSQK // Теория и практика гражданских правоотношений : материалы II Межрегион. науч.-практ. конф., Красноярск, 21 дек. 2023 г. — Красноярск, 2024. — С. 1–23.
6. Рыбаков О.Ю. Личность и правовая политика в Российском государстве / О.Ю. Рыбаков. — Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. — 192 с.
7. Общая теория прав человека / В.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. — Москва : Норма, 1996. — 509 с.
8. Костюнина О.В. Доверие к власти как условие достижения национальных целей развития России на современном этапе: теория и правовое регулирование / О.В. Костюнина. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).35-43. — EDN RKOUMH // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 1(99). — С. 35–43.
9. Лановая Г.М. Рациональность закона: мифы и реальность / Г.М. Лановая. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(4).628-637. — EDN NKNGRS // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 4(102). — С. 628–637.
10. Ильин И.А. Собрание сочинений : в 10 т. / И.А. Ильин. — Москва : Русская книга, 1994. — Т. 4. — 622 с.
11. Бондарь Н.С. Равенство в этико-правовом измерении человека как юридической личности (от равенства перед Богом — к конституционному равенству) / Н.С. Бондарь. — DOI 10.12737/jtr.2023.037. — EDN JSIUYP // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27, № 4. — С. 5–21.
12. Комкова Г.Н. Понятие равенства и неравенства в российском конституционном праве / Г.Н. Комкова. — EDN PJDSLX // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 3(29). — С. 11–27.
13. Dworkin R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. — Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1978. — 396 p.
14. Rawls J. A Theory of Justice / J. Rawls. — Cambridge, Massachusetts : The Belknap press of Harvard University Press, 1971. — 628 p.
15. Нерсесянц В.С. Философия права / В.С. Нерсесянц. — Москва : Норма, 2015. — 835 с.
16. Энтин Л.М. Актуальные проблемы европейского права / Л.М. Энтин ; гл. ред. Д.И. Фельдштейн. — Москва : Флинта, 2008. — 161 с.
17. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / И.Н. Сенякин ; под ред. М.И. Байтина. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. — 96 с.
18. Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. — Cambridge : MIT Press, 1996. — 688 p.

REFERENCES

1. Rep'ev A.G. *Advantages in law and legislation*. Moscow, YurLitinform Publ., 2020. 392 p. EDN: YPCANJ.
2. Arkhipkin I.V. Legal Principles as the Basis for the Legal Status of a Special Subject (On the Example of the Judge Status). *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2024, no. 5, pp. 34–39. (In Russian). EDN: DHABLK. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-5-34-39.
3. Rep'ev A.G., Strelkova O.V. The Legal Status of the Personality of an Employee of the Internal Affairs Bodies in Special Legal Regimes: Theory and Legal Technique. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2024, no. 1, pp. 28–35. (In Russian). EDN: PHGNVU. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-169-28-35.
4. Letova N.V. Special legal capacity and legal status of the child. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2012, no. 9, pp. 72–78. (In Russian). EDN: PFOZIH.

5. Letyagina E.A. Problems of Legal Regulation of the Rights of Children With Special Legal Status. *Theory and practice of civil law relations. Materials of Interregional Scientific Conference, Krasnoyarsk, December 21, 2023*. Krasnoyarsk, 2024, pp. 1–23. (In Russian). EDN: QXSSQK.
6. Rybakov O.Yu. *Personality and legal policy in the Russian State*. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2003. 192 p.
7. Kartashkin V.A., Kolesova N.S., Larin A.M. [et al.]; Lukashov E.A. (ed.). *General theory of human rights*. Moscow, Norma Publ., 1996. 509 p.
8. Kostyunina O.V. Trust in the Authorities as an Indicator of Achieving National Development Goals in Russia at the Present Stage: Theory and Legal Regulation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2025, vol. 26, no. 1, pp. 35–43. (In Russian). EDN: RKOUMH. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).35-43.
9. Lanovaya G.M. The Rationality of Law: Myths and Realit. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2025, vol. 26, no. 4, pp. 628–637. (In Russian). EDN: NKNGR. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(4).628-637.
10. Il'in I.A. *The Collected Works*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Vol. 4. 622 p.
11. Bondar N.S. Equality in the Ethical and Legal Dimension of a Person as a Legal Personality (From Equality Before God to Constitutional Equality). *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2023, vol. 27, no. 4, pp. 5–21. (In Russian). EDN: JSIUUR. DOI: 10.12737/jrp.2023.037.
12. Komkova G.N. The Concept of Equality and Inequality in Russia's Constitutional Law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2012, no. 3, pp. 11–27. (In Russian). EDN: PJDSLX.
13. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1978. 396 p.
14. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap press of Harvard University Press, 1971. 628 p.
15. Nersesyants V.S. *Philosophy of law*. Moscow, Norma Publ., 2015. 835 p.
16. Ehntin L.M.; Fel'dshtein D.I. (ed.). *Current problems of European law*. Moscow, Flinta Publ., 2008. 161 p.
17. Senyakin I.N.; Baitin M.I. (ed.). *Special norms of Soviet law*. Saratov, Saratov University Publ., 1978. 96 p.
18. Habermas J. *Between Facts and Norms*. Cambridge, MIT Press, 1996. 688 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артем Григорьевич Репьев — доктор юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по науке; заведующий кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса. Российский университет транспорта. 127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9. Scopus Author ID: 57501898100; Researcher ID: X-7414-2018; SPIN-код: 5307-1574.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom G. Repyev — Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director of the Law Institute for Science; Head of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure. Russian University of Transport. 9 building, 9 Obraztsova Str., Moscow, 127994, Russia. Scopus Author ID 57501898100; Researcher ID: X-7414-2018; SPIN-code: 5307-1574.

Поступила в редакцию / Received 19.02.2026

Доработана после рецензирования / Revised 14.04.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026